

ГОДЪ 1-й.

СЖЕНСАБЛЬНЫЙ, СОЦІАЛИСТИЧЕСКІЙ, ЖУРНАЛЬ. 1905.

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“

Не вора-ли Гонтшей
Востыдился андеа?
Никитинъ

„Такъ же щей-пожиже лей“
Потаповъ

Варианты: „Не вора-ли, Сергей“

На основаніи постановленія «Союза въ защиту свободы печати» мы будемъ игнорировать временныя правила для печати. Журналъ нашъ вышелъ явочнымъ порядкомъ и не будетъ впредь считаться ни съ какими ограниченіями свободы печати.

С.-Петербургъ.

Мы всецѣло беремъ программу, принятую на второмъ съѣздѣ социаль-демократической рабочей партіи. Цѣль нашего изданія—жестокое осмѣяніе буржуазныхъ идеаловъ и заклеиваніе капиталистическаго строя.

Мы будемъ неустанно твердить о вопіющемъ неравенствѣ классовъ въ современныхъ эксплуататорскихъ государствахъ, построенныхъ по принципу: съ одного вола дери десять шкуръ!...

Мы вѣримъ въ близкую побѣду русской революціи, которая отзовется во всѣхъ концахъ Европы и подыметъ рабочій народъ на великую борьбу съ хищниками, сосущими его кровь; мы вѣримъ, что современному поколѣнію суждено быть свидѣтелемъ и активнымъ дѣятелемъ знаменательныхъ историческихъ событій.

День близокъ!

Русскій пролетаріатъ созналъ свою силу и понялъ, что только „въ борьбѣ пріобрѣтетъ онъ право свое“. А разъ сознавъ эту простую истину, онъ стремится къ объединенію и уже не остановится въ своемъ могучемъ натискѣ на лицемѣрныхъ „буржуевъ“ и поддерживающее ихъ самодержавное правительство. Особое вниманіе мы посвятимъ вопросамъ тактики, стараясь по возможности въ популярной формѣ указывать въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ на необходимость сплоченной и организованной борьбы съ капиталистическимъ строемъ, не довольствуясь частичными уступками.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы будемъ разоблачать всѣ попытки царскихъ слугъ и мнимыхъ демократовъ изъ земцевъ обмануть народъ, выкидывая ему жалкія подачки.

Первая задача пролетаріата спихнуть въ пропасть самодержавное правительство, дѣйствуя подъ руководствомъ единой демократической рабочей партіи. Да будетъ и наше слово горячимъ призывомъ къ новой

жизни, свѣтлой и радостной, созданной революціей.

Революція идетъ! Россія заразитъ Европу! Гюго сказалъ въ день своихъ именинъ: „счастіе народовъ въ братскомъ единеніи, которое выразится въ Европейскихъ соединенныхъ штатахъ и я умру съ сознаниемъ, что это осуществится и это будетъ лучшимъ вѣнкомъ на мою могилу; сограждане, не забудьте, что Парижъ есть не только мозгъ міра, но и душа его, изъ которой выходятъ животворные лучи, согревающие человечество“.

Слова великаго гражданина сбываются; но не Франціи суждено осуществить мечты Гюго. Ихъ осуществляетъ Россія. Неясныя грезы великихъ умовъ и пророковъ преобразились въ стройную социальную систему, которая проводится въ жизнь.

„Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!“

Граждане!

Требуйте освобожденія Предсѣдателя Совѣта Рабочихъ Депутатовъ **Хрусталева**.

Хрусталева арестованъ; Хрусталева въ Петропавловской крѣпости. Наша Бастилія не окружена всѣми войсками только потому, что падающему самодержавію нужно сохранить рати несчислимые, но уже непокорные, для „спасенія живота своего ради“.

Хрусталева жертва разбойничьяго заговора правительства, играющаго съ обществомъ въ темную.

Правительство обмановъ, хищеній, подлоговъ, убійствъ, правительство, не отличающее Іисуса отъ Варравы, обогрившее руки въ крови праведниковъ, борцовъ за свободу; изъ рядовъ послѣднихъ хищнически выхватило достойнѣйшаго гражданина, смѣлаго борца Хрусталева.

Это нападеніе изъ-за угла показало жалкую растерянность и безсиліе опереточнаго правительства, которое, какъ скорпіонъ, переживаетъ давно всѣми ожидаемый актъ самоубійства...

Граждане! требуйте освобожденія Хрусталева.

Простыя рѣчи.

II.

Царское правительство не стѣсняется. Вопли и стоны задавленныхъ нашимъ режимомъ гражданъ на разжирѣвшую свору богачей—„командировъ“ не дѣйствуютъ. Міросозерцаніе безпардонныхъ министровъ, хулигановъ-губернаторовъ и всей той что присосалась къ командѣ устроителей нашей жизни, не мѣняется.

Еще годъ назадъ нельзя было сказать, до чего мы дойдемъ. Въ прошломъ году гнали, сажали въ тюрьмы, разсылали по Архангельскамъ, вѣшали и морили голодной смертью всѣхъ, кто находилъ въ себѣ силу поднять свой голосъ въ защиту поправнаго и униженнаго чело-вѣка.

Тогда это было естественно. Мы жили при татарскомъ режимѣ; мы лизали руки, которые насъ били, и боялись ногъ, которыя насъ топтали. Мы не смѣли тогда кричать: «долой самодержавіе»—потому что сами-же были раз-вращены самодержавнымъ строемъ: мы не вѣрили въ себя, не надѣялись на свои собственныя силы, относи-лись подозрительно къ окружающимъ. Наши сыновья дѣлали себѣ карьеру, выискивая враговъ самодержавія. Наши отцы доносили на насъ царскимъ жандармамъ о первыхъ порывахъ нашего юнаго негодованія противъ произвола рабовъ тьмы, доносили изъ боязни нарушить подлое спокойствіе своей сѣрой, глупой, задавленной са-модержавнымъ режимомъ жизни. Наши братья видѣли въ насъ враговъ: или они душили насъ, или мы ихъ...

Появлялись борцы. Были борцы честные, смѣлые, герои. Они гибли въ крѣпостяхъ и на висѣлицахъ. Кургузой амнистіи дождались не многіе и не всѣ. Были «борцы» и другіе, борцы съ туго-набитыми карманами, съ буржуазной любовью къ «человѣку», а не къ людямъ.

Теперь время перемѣнилось. Властный голосъ возстав-шихъ противъ гнета «командировъ» и богачей звучитъ твердо и грозно:

Долой самодержавіе! Долой власть, поработившую обдѣ-ленныхъ!

Не только рабочій пролетаріатъ, или пролетаріатъ въ томъ смыслѣ, какъ его обыкновенно понимаютъ—двигатель революціи. Всѣ, кому живетъ не вольготно на Руси,—агенты революціи ея.

Человѣкъ много или все потерявшій скорѣй пойметъ горе и отчаянне людей теряющихъ... Мы теряемъ самое дорогое для насъ, что мы приобрѣли цѣной страшныхъ усилий, цѣной труповъ...

Начинается реакція... Самодержавіе хочетъ справить свой предсмертный балъ... Правительство обмануло на-родъ. Тѣмъ хуже и тѣмъ лучше!

С. Усачъ.

Подъ выстрѣлы.

Выстрѣлы утромъ и днемъ,
Ночью гремятъ повторяются;
Выстрѣлы въ сердцѣ моемъ
Сонами жертвъ отзываются.
Жертвы на горе странъ
И палачамъ—на потребу...
Братья! мерещется мнѣ
Кровь вопиющая къ небу.

Николай Пановъ.

Человѣкъ въ цилиндрѣ, человѣкъ въ картузѣ,

волкъ и зайцы.

(Сказочка).

Шли два путешественника черезъ темный лѣсъ въ неизвѣстную страну искать счастья.

Одинъ изъ нихъ былъ одѣтъ въ дорогое платье, на голову напялилъ цилиндръ, а въ рукахъ держалъ тро-сточку съ серебрянымъ набалдашникомъ.

Другой былъ въ картузѣ, а дорогому костюму пред-почелъ красную рубашку.

Шли, они шли, то мирно разговаривая, то поруги-ваясь и ссорясь, какъ вдругъ встрѣтили сѣраго волка.

Волкъ оскалилъ зубы, грозно посмотрѣлъ на нихъ и спросилъ хриплымъ басомъ:

— Куда вы идете, такіе-сякіе? Гдѣ ваши паспорта?

Тотъ, что былъ въ цилиндрѣ отвѣчалъ:

— Ваше волчье величество! Иду я въ неизвѣстную страну искать счастья. Но если вашему величеству не-удобно, я могу повернуть обратно. Повиноваться и пре-смыкаться—это тоже великое счастье.

Волкъ усмѣхнулся:

— Ну, братецъ,—сказалъ онъ: ты кажется изъ ли-бераловъ: иди, куда хочешь. Такіе намъ не опасны... А ты куда прешь?—обратился онъ къ человѣку въ кар-тузѣ.

Красный человѣкъ ничего не отвѣтилъ, вынулъ лукъ и стрѣлой пронзилъ волчье сердце...

«Побѣда!»—раздался торжествующій крикъ.

«Побѣда!»—повторило эхо.

Человѣкъ въ картузѣ оглянулся и увидалъ, какъ его спутникъ, тотъ, что напялилъ на голову цилиндръ, билъ себя въ грудь, тряся отъ радости и громко вопилъ:

«Побѣда!»

Со всѣхъ сторонъ сбѣжались зайцы, поднявъ свои длинныя уши, и, прыгая около восторженнаго господина въ цилиндрѣ, съ оглядкой вторили ему нискливыми го-лосами:

«Побѣда! Побѣда!»...

Человѣкъ въ красной рубашкѣ нахмурился и тихо сказалъ:

«Пусть торжествуютъ зайцы! Я побѣдилъ волка, а на зайцевъ—плевать!..»

Татьяна У.

ШАРЖИ.

I.

Встрѣчаются два франта

— Paul, ты грустенъ?

— Что дѣлать, mon chér: ходятъ слухи, что ввиду революціи и Камилла, и Бланка, и Сюзета уѣзжаютъ за-границу.

— Экъ, нашелъ о чемъ беспокоиться! Ихъ замѣняютъ наши свѣтскія дамы. Вѣдь онѣ теперь вездѣ замѣняютъ забастовавшихъ.

II.

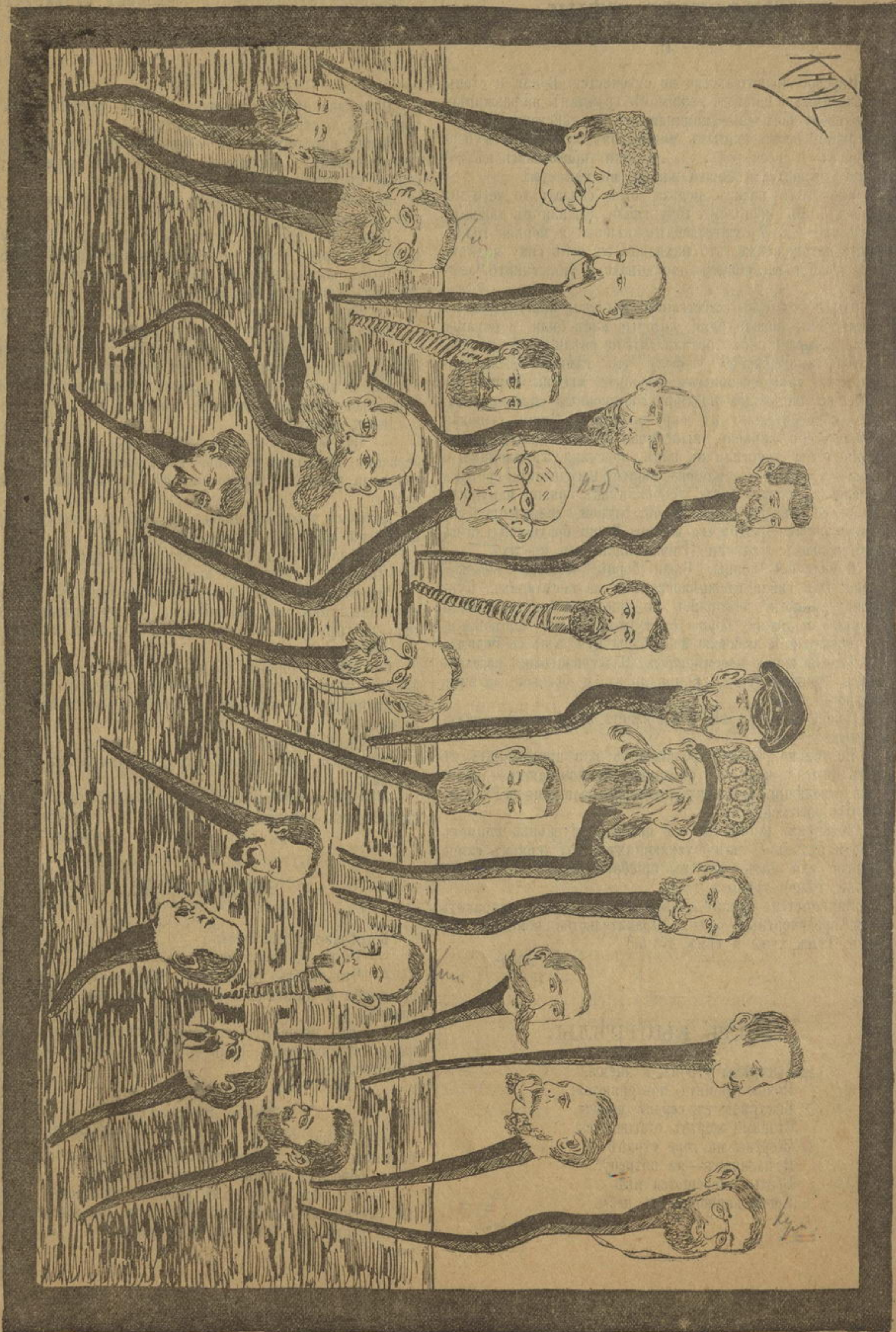
Тоже „патреотъ“.

— Ярема! чортъ! ей, слышь ты, вездѣ эфти самыя бастовки. Давай, лѣшой ты этакій, и мы, значить, баста-немъ, бѣросимъ винице поганое хлѣстать!

— Ты эфто что-жь, въ ротъ-те ризалюцію! да какъ ты смѣешь мнѣ таки охальныя слова доказывать, чтобы я, патреотъ, да убилъ ка-... маносилъ!? — да я те въ рыло!..

Ми.

Предоставляется самим читателям, узнать по портретам имена ржавых гвоздей, наколоченных по пути къ свободѣ...

Музей рѣдкостей.

(Спб. Маринскій дворецъ).

Открытъ ежедневно отъ 12 ч. дня до 12 ч. другого дня.
Каталогъ.

№ 1. Треповъ*, вампиръ. Питается исключительно человѣческой кровью, не брезгаетъ женщинами и дѣтьми. Не жалѣетъ патроновъ, почему хозяинъ музея принужденъ былъ устроить вентиляцію. Просятъ близко не подходить, въ виду необыкновенной кровожадности звѣря.

№ 2. Побѣдоносцевъ*, египетская мумія. Найдена при раскопкахъ близъ древнихъ Фивъ. Судя по сохранившейся одеждѣ, принадлежалъ къ кастѣ жрецовъ. Вѣришь всего, что былъ верховнымъ жрецомъ храма Аммона Фиванскаго, и носилъ титулъ „начальника служителей боговъ сѣвера и юга“. Если не разсыпится отъ переменъ климата, можетъ сохраниться еще тысячу лѣтъ.

№ 3. Дурново, настоящій нильскій крокодилъ. Съ особеннымъ аппетитомъ глотаетъ почтово-телеграфныхъ служащихъ. Желудокъ каменный. Перевариваетъ не только суффле (soufflet), но и березовую кашу.

№ 4. Ламсдорфъ, японская обезьяна. Смѣсь павіана съ макакой. Очень рѣдкій экземпляръ. Знаетъ ноты. Приглашается на всѣ придворные концерты. Съ большимъ искусствомъ играетъ «Гейшу».

№ 5. Бирилевъ, рыба—пила. См. Энцикл. словарь Брокгауза и Эфрона. Тѣло удлиненное, спереди плоское, морда вытянута въ узкую длинную полосу или пилу, образованную удлинениемъ носового хряща; два маленькія дыхательныя отверстія, закрываемыя клапанами, лежатъ позади глазъ; заднепроходный плавникъ отсутствуетъ, и т. д.

№ 6. Редигеръ, моментъ. Съ трудомъ удалось поймать. Надо полагать, скоро убѣжитъ, какъ только пройдетъ минута. Впрочемъ такой дешевый экземпляръ, что не жалко.

№ 7. Павловъ, извѣстный разбойникъ и душегубъ. Въ настоящее время страдаетъ маніей величія. Вообразилъ себя великаномъ-инквизиторомъ. Иногда ему кажется, что онъ быкъ. Просятъ лицъ, одѣтыхъ въ красный костюмъ, сторониться. Кусается.

№ 8. Манухинъ, получеловѣкъ-полумуравей. Весьма оригинальная игра природы. Какъ потомокъ муравья, сохранилъ воинственный пылъ. Очень любитъ пулеметы.

№ 9. Фридериксъ, человѣкъ съ большими усами, и больше ничего.

№ 10. Витте, американская серебристая лисица. Только что вывезена изъ Америки. Питается косулями и зайцами, но зайцевъ не ѣстъ. Пыталась съ кѣмъ-то породниться, но неудачно. Умѣетъ сидѣть между двухъ стульевъ. Большая любительница литературы. Однако печатается только въ юмористическомъ изданіи.

Примѣчаніе: №№, обозначенные звѣздочкой, уже проданы любителямъ по дешевой цѣнѣ. Остальные номера скоро пойдутъ съ аукціона.

Въ скоромъ времени ожидаются новые экземпляры изъ животнаго и минеральнаго царства.

Тутъ же продаются слабительныя пилюли и «Правительственный Вѣстникъ».

Зубъ.

ЧУДНОЙ КОРОЛЬ.

(Съ испанскаго).

Жилъ былъ давно король Альцесгъ,
Бранившій вольнодумцевъ гнѣвно,
За манифестомъ манифестъ
Давалъ странѣ онъ ежедневно;
Въ смущеніи, смуты порицалъ,
Рабамъ обманно обѣщая,
По снятіи съ нихъ цѣпей, опалъ,
Блаженство неземного рая;
Когда-же умеръ, всѣ о немъ
Твердили: будто-бъ манифестнымъ
Призналъ Альцеста королемъ
Самъ Богъ во царствіи небесномъ.

Николай Пановъ.

Генералъ отъ Краснаго Креста уходитъ.

Мы получили слѣдующій куръезъ:

Редакція ежедневной демократической и социалистической газеты

„С В О Б О Д А“

С.-Петербургъ, Невскій, 74.

Цѣнный пакетъ въ 25 руб.

С.-Петербургъ, Апраксинъ переулокъ, д. № 21.

Г-ну Гершену-Исааку Соломоновичу Шкилевскому,

владѣльцу типографіи подъ фирмою «Трудъ и Польза»

Милостивый Государь!

Симъ объявляю Вамъ и вашему компаньону Хаиму Беркову Ясногородскому:

1) Вамъ завѣдомо извѣстно: а) что нѣкто С. И. Чепурный самовольно именуетъ себя издателемъ еженедѣльнаго общедоступнаго иллюстрированнаго сатирическаго журнала „Свобода“ и б) что издательницей законно разрѣшенной 27-го октября 1905 г. большой ежедневной газеты „Свобода“ состою я, нижеподписавшаяся, что на эту газету тогда же открыта и идетъ большая подписка, а самая газета начнетъ выходить съ 1-го января 1906 г.

2) Зная это, Вы всетаки тайно набрали и тайно выпустили въ свѣтъ 27-го ноября (и при томъ не имѣя отъ г. Чепурнаго установленнаго 5 ст. закон. о печати свидѣтельства) вышеупомянутое изданіе С. Чепурнаго подъ названіемъ „Свобода“, и мало того готовитесь слѣлать еще слѣдующій выпускъ.

3) Такими дѣйствіями Вы и Х. Ясногородскій умышленно, изъ корысти причинили мнѣ очень значительный матеріальный и моральный вредъ и убытокъ. Я на организацію дѣла и такъ уже истратила 15,000 руб., самое изданіе ежедневной газеты мнѣ стоитъ свыше 200,000 руб. Я уже не говорю о нравственной сторонѣ дѣла: еще не было въ русской печати такого позора — пользоваться чужимъ названіемъ широко поставленной газеты для строго макулатурнаго полуграматнаго листка.

На основаніи изложеннаго, въ охраненіе своего законно существующаго права собственности на изданіе съ названіемъ „Свобода“ — которые не отдѣлимы, — въ огражденіе себя отъ дальнѣйшихъ большихъ убытковъ и своего добраго имени отъ нареканій, а также въ отстраненіе всякихъ недоразумѣній, я симъ предлагаю Вамъ и Х. Ясногородскому:

1) Прекратить немедленно и навсегда въ Вашей типографіи какого бы то ни было изданія подъ названіемъ „Свобода“. Въ противномъ случаѣ я немедленно привлеку васъ обоихъ къ судебной отвѣтственности со взысканіемъ всѣхъ понесенныхъ мною очень большихъ убытковъ.

2) Вашего отвѣта я буду ожидать однѣ сутки.

3 Декабря 1905 г.

Издательница ежедневной газеты „Свобода“ **ДВОРЯНКА Марія Θεодоровна Голицынская.**

Мы помѣщаемъ этотъ дикій документъ мнимо-соціалистической (?) газеты „Свобода“, чтобы истинно-соціалистическимъ партіямъ сразу стало бы ясно, какого характера органъ, который угрожаетъ намъ судомъ. Мы не спрашивали никакихъ разрѣшеній на основаніи постановленія „Союза въ защиту свободы печати“ и „Союза“ владѣльцевъ печатныхъ заведеній». О томъ, что г. Подлигайловъ получилъ право на изданіе своей газеты 27 октября, мы не могли знать и не интересовались, кто выпрашиваетъ и что у Главнаго управленія по дѣламъ печати. Объявленіе же о выходѣ въ свѣтъ нашего журнала „Свобода“ появилось днемъ раньше. Такимъ образомъ скорѣй мы можемъ упрекнуть г. Подлигайлова въ кражѣ нашего имени.

Впрочемъ нѣтъ надобности объяснять нашимъ читателямъ, какого рода будетъ изданіе г. Подлигайлова. Его направленіе явнаго провокатора выяснилось въ прилагаемомъ письмѣ на имя гг. Шкилевскаго и Ясногородскаго.

Редакторъ еженед. журнала «СВОБОДА»:

Студентъ С. Усасъ.

Р. S. Мы отвѣчаемъ нѣкому г. Подлогайлову, (не тому-ли что издавалъ когда то реакціонную, а не соціалистическою газетку). Г-жѣ **ДВОРЯНКѢ-СОЦІАЛИСТКѢ** Маріи Θεодоровнѣ Голицынской просто скажемъ: «стыдно, **ДВОРЯНКА!**».

У.

Пѣсня о грозномъ усмирительѣ.

...Какъ нынѣ собирается
Вѣщій Олегъ...
А. Пушкинъ.

Какъ нынѣ собирается лейбъ-генераль
Крестьянъ усмирять беззащитныхъ,
Ихъ села и нивы во власть онъ мечталъ
Казаковъ отдать ненасытныхъ.

Съ дружиной разбойной, въ желѣзной бронѣ,
Онъ по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.
Изъ темнаго лѣса на встрѣчу ему
Выходитъ мужикъ изнуренный:
То рвущійся къ свѣту и проклявшій тьму
Крестьянинъ Руси обновленной.

Въ трудахъ непосильныхъ онъ долго страдалъ,
И грозно подѣхалъ къ нему генераль.
«Скажи мнѣ скотина, подлецъ, негодяй:
Кто къ бунтамъ крестьянъ подстрекаетъ?
Гдѣ хлѣбы помѣщиковъ,—все объясняй,
Иначе казакъ отстегаетъ!»

Открой мнѣ всю правду, тогда отъ меня,
На водку получишь полтинникъ, свинья!»

«Къ нагайкамъ казаковъ привыкъ я давно,
Грози, коли хочешь, солдату,
А водкой все сердце мое сожжено,
Не весело нашему брату.

Сказать я скажу о твоёмъ лишь концѣ,
Я вижу твой жребій на сытомъ лицѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:

Тирану убійство—отрада,
Запятнано кровію имя твое,
Вельможный лакей Петрограда.

Казаки опричники вѣрны тебѣ,
Завидуетъ дьяволъ столь темной судьбѣ;
Не тронетъ тебя плачъ малютокъ дѣтей,
Ни взоры крестьянки пригожей,
Ни стонъ стариковъ, ни слеза матерей:
Вѣдь ты генераль толстокожій!

Подъ кожей слоновою сердце молчитъ,
Лишь лютая злоба въ тебѣ говорить.

Ты страха не знаешь, ты смѣлый тиранъ,
Ты хочешь натѣшиться въ волю.

Ты въ тюрьмы посадишь избитыхъ крестьянъ,
Осудишь на злую неволю.

Но знай! не вернешься живымъ ты домой...»

Сраженный безстрашною мстящей рукой,
«Вспороть!» закричалъ генераль разсердясь,

И въ городъ поѣхалъ смущенный.

На утро выходитъ онъ къ дамѣ, смѣясь,
Внимательный и благосклонный.

И женской рукою на мѣстѣ убить,

Упалъ онъ безпомощно кровью залитъ.

Сергій Безпросвѣтный.

СОБОРЪ КАМАРИЛЬИ.

На соборѣ нечестивомъ
Камарилья возсѣдала,
Чтобъ гражданскую свободу
Вскорѣ сбросить съ пьедестала;
Разорвать премьеръ-министра
И портфель его на части,
Предоставивъ мракобѣсамъ
Рычаги могучей власти.
Больше всѣхъ Побѣдоносцевъ
Волновался, брызгалъ пѣной;
Графъ Игнатьевъ нѣжно, сладко
О репрессахъ пѣлъ сиреной.
Дурново, порядка ради,
Предлагалъ сдиранье шкуры
Съ гражданъ мирныхъ и не
мирныхъ

И введеніе диктатуры, —
На Игнатьева, на графа,
Всѣ указывали прямо;

Лишь молчалъ, ходилъ, вздыхая,

Нѣкто семо и овамо;

Онъ вникалъ въ ихъ рѣчи, дѣлалъ

Безполезныя усилія

И не зналъ—какъ съ нимъ поступить

На соборѣ Камарилья.

Николай Пановъ.

Нагайка: «я все-же выше закона!»

Зловѣщій сонъ.

Иванъ Кронштадтскій, говорятъ,
Не спалъ ночей пять-шесть подрядъ;
Уснулъ, проснулся, подивился,—
Зловѣщій сонъ ему приснился:
Геену видѣлъ и на днѣ—

Побѣдоносцева сердитымъ
Съ бородой, какъ быть тому во снѣ,
Себя-же наголо обритымъ
Съ Владиміромъ Митрополитомъ.
Что означаетъ этотъ сонъ,
И самъ пока не знаетъ онъ.

Радіусъ.

Не вѣрьте имъ.

Сборы въ походъ.

На кушеткѣ валялась молодая полная дама.

Взадъ и впередъ по будуару нервно ходилъ ея супругъ, полковой командиръ, теребя свои крашенные усы.

— Сегодня обѣдать дома не буду,—сообщилъ онъ.

— Значитъ опять въ клубъ?—ядовито улыбнулась жена.

— Какой тамъ, матушка, клубъ! До клубовъ-ли тутъ! Въ четыре часа выступаемъ; громить институтъ будемъ.

— Какъ институтъ? Чѣмъ-же провинились институтки?

— Ну, конечно, не женскій, а этихъ машинистовъ, чортъ ихъ дери! Въ пять часовъ у нихъ этотъ митингъ анафемскій...

— Боже, какъ ты выражаешься!—возмутилась командирша,—да вѣдь тамъ мой двоюродный братъ...

— И очень радъ, что онъ тамъ! Ухлопаемъ, такъ однимъ негодяемъ меньше будетъ!

— Да что съ тобой, Семенъ Ильичъ? Опомнись! Ты совсѣмъ хищнымъ звѣремъ сталъ... крови жаждешь...

— Поневоля будешь хищнымъ звѣремъ, если ты вѣчно меня сердишь!

Командиръ былъ очень недоволенъ своей супругой, которая уже недѣли двѣ, жалуясь на нездоровье, посылала его спать въ кабинетъ.

Это заставило его еще сильнѣе ревновать ее,—къ кому, онъ и самъ не зналъ.

— Намъ такихъ, какъ онъ, не надо!—рычалъ уже онъ, подойдя вплотную къ кушеткѣ,—да, не надо!

— Боже, какъ вы страшны!—перешла на «вы» супруга,—даже смѣшно!

— Тутъ не до смѣха, сударыня! Основы государства колеблются... насъ хотятъ по боку! Милиціи добиваются...

— Какой Милиціи? Милица—вѣдь это супруга того, какъ его?..

— Оставьте, сударыня, ваши каламбуры! Мнѣ не до нихъ! Безъ мѣста, пожалуй, останусь, вотъ что-съ! А такихъ, какъ онъ, намъ не надо! Намъ надо вѣрныхъ слугъ Престола... вашъ-же братецъ крамольникъ, да-съ.

— Что это за слово крамольникъ? Забастовщикъ, что-ли?

— Я и самъ, матушка, не знаю, но слово скверное!.. А его я въ нашемъ домѣ не потерплю!—топалъ ногами командиръ.

Супруга покатывалась со смѣху.

Въ офицерское собраніе влетѣлъ, какъ бомба, юный поручикъ Вралева, весь красный и сіяя радостью.

— Господа, ликуйте!—чуть не задыхаясь, кричалъ онъ,—въ четыре часа идемъ студентовъ бить! Такіе типы, что руки зудятъ!

— Полноте, Вралева,—остановилъ его пожилой штабъ-офицеръ,—какъ вамъ не стыдно? Кажется уже довольно кровопролитій.

— Это вамъ такъ кажется Петръ Петровичъ, а для меня вовсе не довольно! Такъ пріятно полоснуть шашкой какого нибудь красного стрюка. А онъ только присядетъ, и никакихъ!

Другіе офицеры, хотя не веѣ, тоже стали усовѣщивать расходившагося поручика, но Вралева не унимался.

— Помилуйте, господа, довольно безъ дѣла насидѣлись!—ораторствовалъ онъ.—Такъ и тянетъ въ бой! На дальнемъ Востокѣ сколько георгіевъ за отступленія да за сдачи надавали! А тутъ ужъ не отступимъ и не сда-

димся, шалишь! Я первымъ на приступъ полѣзу, искрошу десятокъ—другой этихъ красныхъ. Георгія по статуту дадутъ! Да и вамъ тоже бѣленькимъ крестикомъ украситъ себя не мѣшаетъ,—не лишнее...

— Полно, полно, Вралева,—заговорили вокругъ него офицеры,—заврался, братъ, оправдываешь свою фамилію! За георгіемъ вздумалъ лѣзть! Ну, кто-же тебѣ въ мирное время георгія дастъ?

— Какое-жъ теперь мирное время?—стоялъ на своемъ Вралева,—теперь государство въ большей опасности, чѣмъ во время войны! А георгія я непременно получу. Если чиновники—стрюки получили офицерскій крестъ за то, что умѣютъ спастись вѣлавы, такъ ужъ мнѣ-то дадутъ! Потребую, чтобъ составили реляцію: храбро шелъ впереди и, рискуя жизнью, первымъ вскочилъ...

Всѣ смотрѣли на Вралева, какъ на сумасшедшаго, но онъ продолжалъ развивать свою теорію отличій въ бояхъ мирнаго времени.

Въ казармѣ тоже нашелся вдохновитель.

Сверхсрочный служака Чвертка, чуть не съ десяткомъ шевроновъ на лѣвомъ рукавѣ, собравъ молодыхъ, держитъ имъ такую рѣчь:

— У четыре часа идемъ у походъ на врагоу! Скубенты бунтуютъ, команды не слушаютъ! Сходятся умѣсть, и изъ домоу не выходятъ. Треба бунтоушикоу силкомъ гнати!

— Такъ что бить, стало быть, ихъ надоть, Терентій Данилычъ?—любопытствуетъ безусый краснощекий солдатикъ.

— А то якъ-же-жъ?—подтверждаетъ Чвертка,—бей ихъ у мою голову, щобъ угобздить ихъ добре...

— Какъ-же такъ въ вашу голову-то бить—удивляется тотъ-же солдатикъ.

— Се-жъ такъ говориться, а бей не у мою, а у ихъ голову! Колы бѣгутъ, такъ у задъ бей. Не жалѣй, а ни-ни, ни Боже мой! Узѣхъ у лоскъ клады!

Среди солдатъ слышится ропотъ:

— Какъ-же такъ своихъ-то бить? Вѣдь, чай, не турки, не японцы!

— Се-жъ тоже бунтоушики!—негодуетъ свирѣпый Чвертка.

Недовольные расходятся. Чвертка, съ досады, плюетъ *Льва.*

По поводу одного письма въ „Нов. Ж.“

Нѣтъ ничего и въ этомъ страннаго,
Что изъ застѣнка, изъ охраннаго,
Гдѣ для предателей—пріютъ,
Въ печать, съ повинной, письма шлютъ...
Пожалуй, скоро у властителей
Не будетъ вовсе охранителей.

Н. А. Л.

Наши господа.

Слыша цѣлаго города вой,
Гдѣ еще не избиты въ люди,
Молвимъ: «Господи милостивъ буди!
Не спасется и въ кельѣ затворникъ,
Коль надъ каждой душой стоитъ дворникъ,
А надъ дворникомъ—городовой!»

пуля.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ.

I.

Въ виду напечатанія въ нѣкоторыхъ газетахъ, вышедшихъ 2-го сего декабря, воззванія, озаглавленнаго «Манифестъ», подписаннаго совѣтомъ рабочихъ депутатовъ, главнымъ комитетомъ всероссійскаго крестьянскаго союза, центральными комитетами россійской социаль-демократической рабочей партіи и партіи социалистовъ-революціонеровъ и социалистической польской партіи, и заключающаго въ себѣ открытый призывъ къ дѣянію бунтовщическому и къ неповиновенію закона, прокуроръ с.-петербургской судебной палаты, на основаніи 14 пункта ст. 7-й Высочайше утвержденныхъ 24 ноября сего года временныхъ правилъ о повременныхъ изданіяхъ, предложилъ о томъ на разсмотрѣніе судебной палаты.

Судебная палата, въ экстренномъ распорядительномъ собраніи, въ тотъ же день постановила наложить арестъ на нумера, вышедшіе въ свѣтъ 2 декабря, и пріостановить до судебного приговора изданіе газетъ: «Сынъ Отечества», «Новая Жизнь», «Наша Жизнь», «Свободный Народъ», «Начало», «Русь», «Свободное Слово» и «Русская Газета».

Опредѣленіе сообщено къ исполненію главному управленію по дѣламъ печати. (СПА).

Изъ Пушкина.

Митя Треповъ отдыхаетъ
Отъ заботы и труда:
Въ Петергофѣ лишь считаетъ
Онъ патроны иногда.
Въ долгу ночь подчасъ не дремлетъ,
Ждетъ все зова—зовъ придетъ...
Тотчасъ онъ приказу внемлетъ:
Встрепенется и пальнетъ...

Грачъ.

I.

Скорбитъ графъ Витте: «нѣтъ людей!»
И самъ, увы! пока не знаетъ—
Кого въ министры выбираетъ
Онъ на безлюдьи нашихъ дней.
Трудна такая теорема:
Необходима помощь Брема.

Н. А. П.

Признаніе Коко.

Обѣдалъ мой кузень Борисъ,
Со мной ѣлъ рисовую кашу.
Я одобрялъ вареный рисъ,
Онъ порицалъ и, распрю нашу,
Мы, кончивъ дракой, разошлись.
Съ тѣхъ поръ, чтобъ я забылъ Бориса,
Мнѣ каши не варятъ изъ риса.

Придворный.

Маски сорваны.

Послѣдній урокъ, который только что дало самодержавное правительство нашимъ наивнымъ согражданамъ, вообразившимъ, что у насъ „конституція“ и что обѣщанія нашего правительства чего-нибудь стоятъ—великолѣпенъ!

Среди бѣлаго дня на глазахъ у всѣхъ по распоряженію свыше нагло были отобраны („конфискованы“) у газетчиковъ всѣ газеты напечатавшія „Манифестъ револ. партій“.

„Свобода печати“ осуществляется...

Конфискуются газеты—это свобода печати. То-же мы видимъ и съ другими свободами.

Собранія не допускаются—это свобода собраній.

Союзы арестовываются—это свобода союзовъ.

Граждане безъ суда высылаются и заключаются въ крѣпости—это неприкосновенность личности.

Правительство сорвало маски. Такъ лучше; легче съ нимъ бороться,

Редакція.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

„СВОБОДА“

Еженедѣльный общедоступный иллюстрированный социалистическій журналъ.

Выходитъ по воскресеньямъ въ 8—16 страницъ

Большое мѣсто въ журналѣ удѣляется политической сатирѣ.

Въ литературномъ и художественномъ отдѣлѣ принимаютъ участіе главными образомъ молодые силы.

Редакція обращается къ читателямъ съ просьбой присылать злободневный матеріалъ по адресу:
Николаевская, 73.

Рукописи и рисунки должны быть за подписью и съ адресомъ автора. Неподписанные не печатаются. Если авторомъ не указанъ желаемый гонораръ, присланное оплачивается по усмотрѣнію редакціи. Возвращеніе рукописей и рисунковъ для редакціи не обязательно.

Цѣна отдѣльнаго номера 5 копѣекъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА СЪ 1-го ДЕКАБРЯ 1905 ГОДА:

На 4 мѣсяца.	{ Съ доставкой и пересылкой; }	Одинъ рубль.
На 1 годъ		Три рубля.

ПРИНИМАЮТСЯ ОБЪЯВЛЕНІЯ: строка петита 20 коп.
1/4 страницы. 15 руб.
1/2 » 25 »
1 » 50 »

Редакція и контора: Николаевская, 73.

Контора открыта ежедневно съ 10 ч. утра до 6 ч. вечера.

Пріемъ въ редакціи отъ 11 ч. утра до 1 часа дня.

Издатель С. И. Чепурный.

Редакторъ С. М. Усасъ.
Отвѣтственный редакторъ А. М. Гутъяръ.

Номера „Свободы“ продаются: въ Бѣлостокѣ—книжный магазинъ І. Каганъ; въ Витебскѣ—вокзалъ Книжн. торг. Богдановича; въ Кіевѣ—книжный магазинъ Стрижова; въ Лодзи—книжный магазинъ Валлахъ; въ Минскѣ—вокзалъ, книжная торговля Герасимовой; въ Псковѣ—книжный магазинъ Петрова. Въ Москвѣ у всѣхъ газетчиковъ и въ кіоскахъ.

Плеве и Сипягинъ:
Добро пожаловать, генералъ!
Многимъ, еще есть мѣсто...

